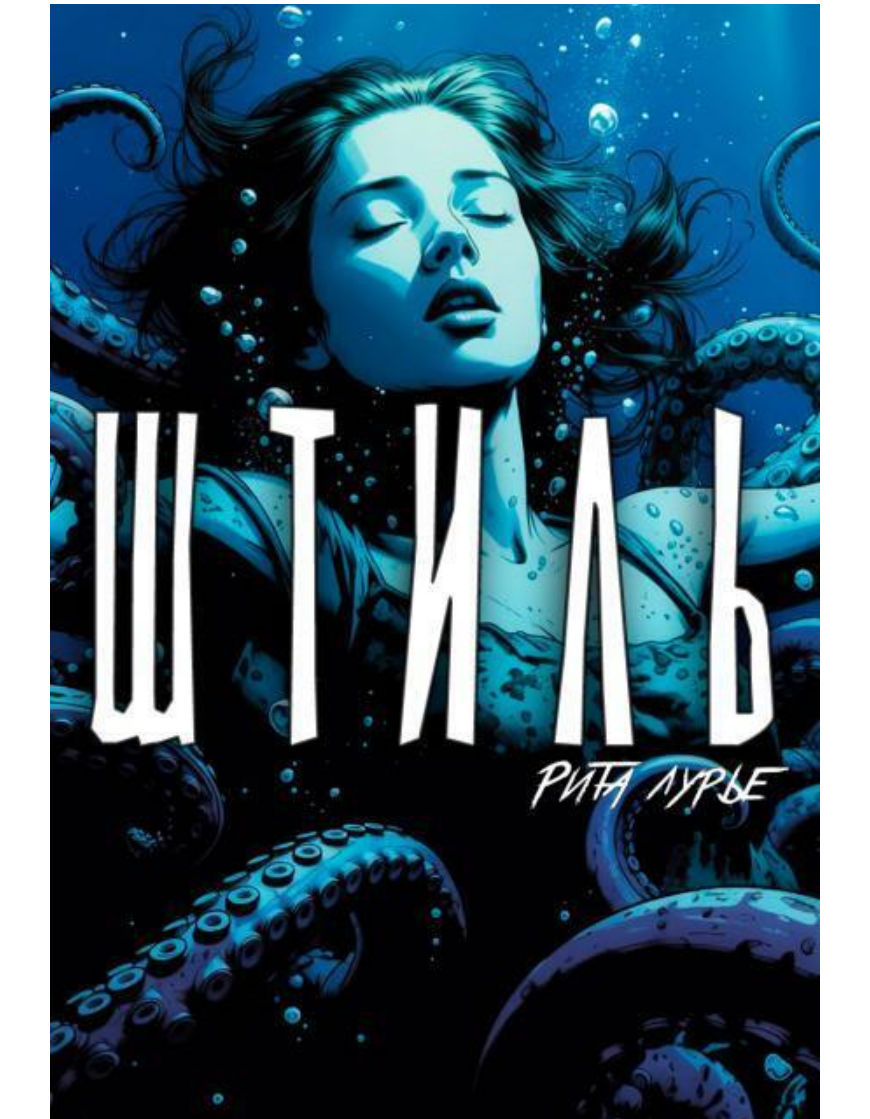

A woman with long, dark, wavy hair is depicted from the chest up, floating underwater. Her eyes are closed, and her expression is serene. She is surrounded by several large, dark blue octopus tentacles with prominent suckers. The water is a deep blue, and numerous small bubbles are scattered throughout the scene, creating a dreamlike atmosphere. The lighting is soft, highlighting the woman's face and the texture of the tentacles.

ШТКАЛЬ

РИТА ЛУРЬЕ

Рита Лурье

Штиль

<https://litres.ru/74213377>

Аннотация

Наивная девушка попадает под влияние лидера секты и следует за ним на уединённый остров — стать двенадцатой из его апостолов. Каждого из них ждут испытания: тишиной, верой и небытием.

Но чем дольше она остаётся среди вереска и тумана, тем яснее понимает: здесь живет зло.

Штиль оказывается страшнее любого шторма, а её пастырь — не тот, за кого себя выдает.

Кто он на самом деле?

Мессия, безумец или чудовище, готовящее своих учеников в жертву бездне?

Содержание

Deer.	4
Hope.	8
Transformation.	34
Lighthouse.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Деер.

*И я видел горы мрачных туч зимнего времени и место,
куда впадает вода целой бездны.*

Книга Еноха.

Я бегу по узкому перешейку, соединяющему остальной остров с утесом, на вершине которого выстроен маяк, неприступный, словно средневековая крепость. Луч света бьет в спину, вырывает из мрака рифленые камни под ногами и гладкое, невозмутимое полотнище моря, обступающее полосу суши со всех сторон. Море так спокойно, что кажется ненастоящим, нарисованным.

Стоит полный штиль. Накапывает мелкий дождь, и капли расцветают на водной глади черными струпьями.

Я оборачиваюсь, и вспышка маячного фонаря жалит глаза. Я прикрываю веки, проводя несколько мгновений в крошечной темноте, успокаивая дыхание и лихорадочный пульс. По гальке не шуршат чужие шаги. Никто меня не преследует. Вокруг царит тишина – зловещая, напряженная, как перед началом бури.

Я все равно никуда не денусь с этого острова.

Я все равно никуда не денусь от них.

От него.

Он тут как тут. Я не понимаю, откуда он взялся, ведь ми-

нуту назад на перешейке я была совсем одна. Не из моря же он вышел? Впрочем, это вполне в его духе. Я не раз видела его — и ночью, и днем, застывшим у самой кромки воды, неподвижно как статуя. Его веки плотно зажмурены, голова клонилась к плечу, будто он прислушивался, силясь разобрать песню сирен в шепоте волн. И только его длинные волосы шевелились от ветра, как водоросли под водой. Он и сейчас стоит в той же позе — расслабленной, почти небрежной, руки в карманах, босые ступни белые-белые на черных камнях, а глаза, — я давно заметила, что он никогда не моргает — пристально сканируют мое лицо.

— Слышишь? — спрашивает он.

— Что? — роняю я, рефлекторно отступая назад. Страх свивается клубком в животе. Я чувствую себя загнанной в угол, и его улыбка — легкая, мимолетно мелькающая на губах, больше не приносит облегчения. Она зловещая в темноте, когда мы один на один, а вокруг только камни и тихие волны.

Что я должна слышать?! — хочется воскликнуть мне, но слова застревают в горле. Я нервно сглатываю, силясь протолкнуть ком. Слюна во рту ощущается солоноватой, как морская вода, словно море уже проникло внутрь, наполнило собой все мое существо, каждую клеточку тела. Кажется, даже кожа уже приобрела характерный гнилостно-рыбный запах. Как у него.

Я слышу.

Зов – не снаружи, а раздающийся где-то в черепной коробке, по спирали кружащийся по стенкам ушных раковин. Я трясую головой, зажимаю уши руками, но не могу его прогнать. Зов нарастает. Зов, и гул, низкочастотный, как от трансформаторной будки, запрятанной где-то в глубине темных вод.

— Вот, - удовлетворенно говорит он, - теперь слышишь.

Я перевожу взгляд на его протянутую ладонь, а после, сдавшись, вкладываю в нее свою кисть. Его руки очень холодные, а кожа будто влажная – не из-за дождя, а всегда. Я старалась этого не замечать – того, сколько в нем *нечеловеческого*, странного, вызывающего отторжение, противного логике, но мозг больше не способен строить бастионы отрицания. Все щиты пали.

Он ведет меня к кромке прибоя, терпеливо ждет, пока я сниму обувь, следуя его примеру, и вместе мы вступаем в воду. Камни ранят босые ступни. Волны неспешно облизывают щиколотки, затем икры, утяжеляют подол юбки, принимают тело в свои объятия. Я не чувствую холода, лишь странный трепет. Предвкушение и азарт. Нет, я не убегала. Я целенаправленно двигалась навстречу своей судьбе, своей инициации, своему перерождению.

— Время пришло, *сестра*, - шепчет он.

Сестра – горько повторяю я про себя, испытав короткий укол обиды. Он говорил, что я буду его избранницей, его пророком, его вечной супругой, его апостолом... выходит,

просто «сестрой». Но все это нагромождение слов больше не имеет значения. Все свершилось, как это ни называй. Я здесь, с ним, по грудь в ледяной воде, а не кто-то другой. Он выбрал меня. Он приведет меня к свету истины. Он даст мне все, что обещал, пусть я и не готова понять глубину его замысла. Я всецело ему доверяю – его убаюкивающему голосу, его жестким пальцам, сжимающим мою руку. Его ладони, что давит на голову, заставляя пригнуться, нырнуть.

Он удерживает меня. Я открываю глаза и сквозь сизую толщу воды вижу приближение неясной тени. Я беззвучно кричу, и крик вырывается изо рта вместе с последними пузырьками воздуха, спешно покидающими грудную клетку. Я взмахиваю руками, бью по волнам, тщетно силясь освободиться. Тщетно. Тщетно!

Зов стихает.

Я слышу лишь его голос, шелестящий, как ночной ветер, невозмутимый, как штиль.

— Прими эту жертву, - говорит он.

Норе.

Я иду на вечеринку, хотя всю жизнь избегала подобные сборища. Мне страшно некомфортно среди толпы подвыпивших незнакомцев; от прожекторов рябит в глазах, я вздрагиваю от смеха, громких музыки и голосов, и нерешительно жмусь в дальний угол помещения. Тиффани настояла.

Она сказала, что мне надо лично познакомиться с «предметом своего обожания».

Ну как... в ее представлении все, конечно, выглядит совершенно иначе. Но я не собираюсь посвящать Тиффани во все нюансы. Она и про *него* узнала по чистой случайности: заметила, как я смотрю его рилсы на паре, на которой мы сели с ней вместе.

Она сказала: кстати, а ты знала, что он *тоже* тут учится? Да ты что! – воскликнула я.

Ага, - подтвердила Тиффани.

Он тоже тут учится. И он тоже пошел на эту вечеринку. Еще бы не пошел.

Он здесь – в самой гуще событий, в самом эпицентре, чувствует себя, в отличие от меня, как рыба в воде. Он привык к вниманию, он любит его, нуждается в нем, и принимает с воистину королевским великодушием. Это его мир. Он, Стиви Вендел, царствует здесь, как истинное божество.

Вместо тигры – спущенные на шею оливковые AirPods Max (я долго копила на такие же), вместо церемониального облачения – худи оверсайз Supreme, джинсы-багги и кроссовки Off-White, слепящие своей белизной, как и его улыбка. Вместо державы – пластиковый стаканчик ром-колы, вместо скипетра – iPhone 17 Pro Max. Стиви не выпускает его из рук – даже сейчас он лишь наполовину присутствует в этой комнате, ведь другая принадлежит его четырёмстам тысячам подписчиков в тик-ток, для которых он ведет прямую трансляцию. Ему весело. Должно быть и им.

Если бы не давление Тиффани, я наблюдала бы его в он-лайне, как и остальные. Но теперь я имею счастье видеть Стиви Вендела воочию, злясь от того, что кто-нибудь постоянно маячит между нами, перекрывая обзор. Подойти ближе я не решаюсь. Я прилипла к этой стене. Мое худи – такое же, как у Стиви, но другого цвета и купленное на алиэкспресс, все взмокло. Я боюсь, что кто-то заметит темные пятна пота подмышками. Я боюсь, что кто-то заметит меня.

Я проверяю телефон – и реальность раздваивается. Благодаря трансляции Стиви, происходящее там и происходящее наяву дублируются, переплетаются. Я предпочла бы быть в своей комнате, и, завернувшись в теплый плед, все же подглядывать исподтишка. Это куда проще делать на безопасной территории, чем погрузившись в недружественную, опасную среду. И чертовка-Тиффани отказалась пойти со мной, заявив, что Стиви – мой краш, а не ее. Я ее не застав-

лю. Она заучка, синий чулок, ей тут никто не обрадуется.

Эй, какого хера ты онлайн? – пишет она – почему не веселишься?

Веселюсь, - печатаю я и подвисаю, выбирая смайлики, в моем представлении достаточно полно иллюстрирующие это утверждение.

Трусиха, - журит меня Тиффани. Обилие эмодзи в моем ответе не делает ее сострадательнее. Я сердито сбрасываю окно диалога, переключаясь на тикток, на трансляцию Стиви. Он, с парочкой его корешей, кривляется, подпевая песне, под которую, скорее всего, отрывались еще наши дедушки с бабушками. Но винтаж – это вайбово.

Это не самый подходящий момент, чтобы подойти – оправдываюсь я. Я же не могу ему помешать. Песня будет испорчена. Это выйдет крайне неловко, если в процессе в кадр вдруг влезет какая-то девица и... дальше я не придумаю. Я без понятия, что собираюсь делать. У меня не было никакого плана, с которым бы я заявила сюда. Вот я и стою в углу, как полная дура, кринжуя с себя самой, и не решаюсь даже пробраться через толпу, чтобы раздобыть себе выпить.

Трусиха, - повторяю я слова Тиффани.

Трусиха, трусиха, трусиха.

Глаза болят от вспышек света. Голова гудит от громкости музыки и голосов. Ладонки липкие-липкие. Я догадываюсь, что у меня вот-вот начнется паническая атака или что-то типа того. Мне нужно на воздух. Я чуть не кричу это, расталки-

вая людей на своем пути, лавируя между студентами, словно хрупкое суденышко среди смертоносных айсбергов.

Я вылетаю на улицу, в сентябрьскую ночь, и прижавшись спиной уже к другой стене – не оштукатуренной, а кирпичной, глубоко дышу. Я читала, что это помогает. Вроде как, еще выпить воды, но где ее взять? Вокруг меня только кусты, подсвеченные маленькими фонариками, отделяющими дорожки от аккуратного газона.

— Эй?

Я ору не своим голосом, когда из-за моего плеча возникает чей-то силуэт, а обернувшись, не верю своим глазам. Это он, Стиви Вендел собственной персоной, возвышается над мной, выглядит дружелюбным, но слегка озадаченным. Его свита куда-то пропала, как и вездесущий телефон. Вместо него в руке Стиви электронная сигарета, которую он подносит к губам и неспешно затягивается, окуривая меня клубами ароматного дыма.

— Ты в порядке? – спрашивает он, словно мы старые знакомые, а не разговариваем лично впервые в жизни, и убирает электронку в карман худи, спохватившись, что ее вид меня смутит. А я и так на грани истерики.

— Нет... да... эм... - бормочу я и принимаюсь нервно заправлять волосы за уши, - просто... просто...

— Паническая атака? – подсказывает он с легкой улыбкой.

— Да, - сдаюсь я.

Он вдруг берет меня за руки и пристально смотрит в глаза.

— Дыши вместе со мной, - говорит он почти ласково, - на счет раз вдох, на два выдох. Давай. Раз...

Эта дыхательная гимнастика помогла бы мне, если бы от соприкосновения с ним меня не начало трясти сильнее, чем до того. Его руки большие, теплые и держат мои скользкие от пота ладошки так бережно, что я вот-вот упаду в обморок. Это потрясающе. Это лучшее, что случилось со мной. Но Стиви этого не замечает. Он продолжает счет, и, повторяя за ним, я потихоньку прихожу в себя. Сердце все еще взволнованно стучит, но уже не пытается проломить мне грудную клетку и выпрыгнуть на дорожку. Пульс в пределах нормы.

— Вот, - удовлетворенно говорит Стиви.

— Как ты... - не знаю, как закончить фразу. Как ты здесь оказался? Как вообще возможно, что мы с тобой одновременно вышли на улицу? Как, как, как... Заткнись, Хоуп – приказываю я себе. Скажи что-то нормальное. Что люди говорят в таких ситуациях, чтобы не показаться невменяемыми?

— Просто... бывает иногда, - сбивчиво говорю я, - нервничаю в общественных местах... и...

— Жиза, - соглашается Стиви и хихикает, - «POV: пришел на тусу, где никого не знаешь». Я тебя раньше не видел. Ты новенькая?

Спасибо, Стиви, - думаю я, радуясь возможности перевести тему.

— Да, - подтверждаю я, - я только поступила в этом году... это первая вечеринка... и...

— Ну, далеко не последняя, - с легким смешком говорит Стиви Вендел, - ничего, втянешься потихоньку. Мне вначале тоже было тяжело.

— Нда? – недоверчиво переспрашиваю я. Я настолько впечатлена этим заявлением, что мигом забываю о своей повышенной социальной тревожности и других ментальных особенностях. Услышанное кажется мне нереальным. Стиви – любимчик публики, звезда тик-тока, а еще всего этого колледжа – не божество, а обычный человек, которому тоже может быть неуютно среди чужаков? В это невозможно поверить! Мне так и хочется засыпать Стиви вопросами, но это самое тупое, что я могу сделать. Ему нельзя знать, что мы заочно знакомы еще до колледжа. Вернее... Я его знаю лучше, чем кого-бы-то ни было, ведь уже два года подписана на него во всех социальных сетях, оттого у меня и сложилось впечатление, что мы общаемся уже тысячу лет. Он то видит меня впервые.

Стиви тем временем опять дымит электронкой. Он смотрит на здание общежития и свет, падающий в оконные и дверные проемы, красиво подкрашивает его благородное лицо с идеально-квадратной челюстью, прямо как у супергероя.

— Ты как? – он переводит на меня взгляд, - хочешь вернуться? Или пока...

Я мотаю головой.

— Проводить тебя? Далеко живешь?

У меня открывается рот, и если бы в нем была вставная челюсть, сейчас мне пришлось бы выискивать ее в траве. Отправляясь на вечеринку, я и не рассчитывала на такое везение.

— Недалеко, но... - я дергаю головой, - но если тебе не трудно...

— Нет, - с теплой улыбкой заверяет Стиви, - меня, по правде, уже задолбали эти тусы. Хочешь, возьмем что-то выпить и почилиим вместе?

Кажется, я умерла и попала в рай. Быть может, у меня случился инфаркт, а не паническая атака, и сейчас я, обмочив штанишки, валяюсь мертвая на этом самом месте. Но я не в курсе, как это проверить, остается только наслаждаться своими посмертными глюками. Или я уснула за компьютером, на экране которого по-прежнему открыт тик-ток Стиви, и его голос баюкает меня, проникая в сновидения, отчего он и привиделся мне во всех подробностях.

А Стиви все еще ждет, когда я отвисну.

— Да... давай, - говорю я, но все равно не верю своему счастью.

Я снимаю квартиру недалеко от колледжа, потому что не

захотела жить в общежитии, а мои родители с пониманием относятся к моим особенностям и не жалеют денег на мой комфорт. Да, я такая. Тихая, домашняя, социально-неловкая девочка, которой трудно вписаться в суматошный общажный быт. Перед поступлением мама съездила со мной на «экскурсию», после чего согласилась: да, все эти гулянки, сплетни и шум не поспособствуют успехам в учебе. Будь ее воля, она бы оставила меня дома и каждый день отвозила на занятия, или, еще того хуже, поселилась бы вместе со мной. К счастью, у родителей много работы, так что здесь я предоставлена сама себе. И квартиру смогла обставить по своему вкусу, а не их.

Стиви с любопытством разглядывает всякие мои диковинки, попивая прямо из горла вино, купленное по пути. У меня много книг – в основном современных авторов, про которых я узнала из буктока; есть пластинки, прикольные шмотки из секонд-хенда, обнаружившегося возле колледжа, и приличное количество коллекционных фигурок и плюшевого зверья. Из-за последнего я стараюсь, что Стиви сочтет меня инфантильной. Но я приобретала их лишь потому, что в тот или иной момент, они были в тренде.

Стиви обязан это понять.

— Прикол, - задумчиво изрекает Стиви, - твоя комната, как с пинтерест.

— Ага, - тихо откликаюсь я. Он задерживается возле коллажной стены с гирляндой, унизанной полароидными фот-

ками на прищепках, и это меня напрягает. Вдруг Стиви заметит, что на этих снимках нигде нет меня, и поймет, что эти люди – какие-то случайные незнакомцы? Я заказала фотки вместе с гирляндой и прищепками на китайском маркетплейсе. У меня есть свой полароид – подарили на семнадцатилетие, но толком некого на него снимать. Не родителей же с их тупой собакой? Все мои друзья живут далеко, и я сильно сомневаюсь, что за их никами не скрываются старые извращенцы.

К счастью, Стиви быстро теряет интерес к фейковым фотографиям моей фейковой социальной активности.

Он плюхается в кресло-мешок и извлекает свою электронку.

— Можно? – спрашивает он. Я киваю.

Облачко дыма становится то золотистым от теплого света гирлянды, то неоновом-розовым, когда достигает LED-ленты под потолком. Мне надоедает стоять без дела, я собираю со всех полок свечки, поджигаю и расставляю на полу, а после, сбросив с кровати подушку с надписью «Nap Queen», подаренную единственной школьной подругой, сажусь напротив Стиви. Он протягивает мне вино, как какую-то трубку мира, и я замираю, осознав, что до того горлышка касались его губы.

Это почти поцелуй.

Если что, я умею целоваться. Ну, в теории. В теории я много чего умею, но мне хватает ума хранить вибратор в

прикроватной тумбочке, а не на какой-нибудь из икеевских этажерок, как предмет, достойный гордости и демонстрации.

Я подписана на такое количество секс-блогеров, что уже самой впору давать людям советы.

— Что снимаешь? – словно прочитав мои мысли, спрашивает Стиви. Он кивает на изрядно покрывшийся пылью ринг-лайт на штативе. Я заказала его просто, чтобы был.

— Да... как-то... ничего... - смущенно лепечу я, - все хочу начать... но... сам понимаешь, первый семестр, нас так загрузили, что некогда...

— А что планируешь? – деловито интересуется Стиви.

Я кусаю губу. Мой взгляд мечется по комнате. Я надеюсь, что мой милый, уютный интерьер даст подсказку, какая-то мелочь, какая-то деталь. Если я проколюсь, Стиви сразу догадается, что я соврала и ничего снимать не собираюсь. Я ненавижу, когда на меня смотрят. Я даже свою фотографию никогда не ставлю на аватарку, предпочитая физиономию анимешной девочки, нарисованной нейросетью.

Быть может, обзоры на свечи? Или косметику? Или на игрушки «Funko Pop»? Но не на вибраторы же? Или... Вот оно! Идеально!

— Хочу вести книжный блог, - заявляю я, упершись взглядом в ровный ряд книжных корешков, перемежёванный с коллекционными карточками и фигурками героев, шедшими в подарочных изданиях.

— О, приколы, - тянет Стиви, и я силюсь понять – он правда

впечатлен или это сказано скорее с издевкой, - ты типа умная и много читаешь? Может и сама что-то пишешь?

Я ерзаю на месте. Будь у меня больше свободного времени, я бы, наверное, и правда много читала. Но когда мне этим заниматься? Стиви очень активно ведет аккаунты, и в тиктоке, и в твиттере, и в инстаграме, а я должна быть в курсе всего. И не стоит, конечно, забывать и о других трендах, просмотре ленты, рилсов... Я даже не открывала большинство книг, что стоят на моем белом книжном шкафу, но смотрела обзоры. Из них я более-менее сложила впечатление о содержании. Жаль, что букток не способен помочь мне с освоением того ужасающе огромного списка литературы, что выдали нам в начале семестра. Он весь состоит из какой-то занудной классики, которую никто никогда в жизни не станет обозревать.

Хорошо, что есть чат-GPT. С его помощью я, надеюсь, справлюсь.

— Ага, - заявляю я и вливаю вино себе в глотку. Оно кислое и противное, но его вкусовые качества не имеют значения, ведь его купил Стиви. Настоящий Стиви Вендел, что восседает на кресле-мешке в моей комнате.

Это важно.

— И какая у тебя любимая книга? – продолжает свою пытку он. Мне стоило бы рассердиться – с какой стати Стиви затеял этот допрос? Его и самого не назовешь книголюбом. Он танцует, поет, снимает уморительно-смешные видео и дает

советы на тему лайфстайл и спорта. Вот куда он полез?

— «Преследуя Аделин», - выпаливаю я первое, что приходит на ум просто потому, что толстый талмуд с черепами и розами совсем недавно занял свое место на полке. Ладно, в него я хотя бы заглядывала, услышав мнение, что там хватает горячих сцен, которые мы могли бы оценить вместе с моим маленьким розовым китайским другом.

Стиви изумленно выгибает брови.

— Надо же, - многозначительно говорит он.

— Что такое? – настораживаюсь я.

— Я слышал, что это какое-то порево, - делится он.

— Ну да, - подтверждаю я, подивившись своей недюжинной смелости, впрочем, подпитанной выпитым алкоголем, - что тут такого?

— Ну... - тянет Стиви, пристально глядя на меня, - ты кажешься...

— Какой? – взволнованно тороплю я.

Неуклюжей? Неловкой? Закомплексованной? Стеснительной? Долбанной ботаничкой? Но я не Тиффани с ее дурацкими кардиганами и очками бабки-библиотекарши! На мне такой же худи, как и на Стиви, и джинсы-багги, у меня разноцветные пряди волос (мама не разрешила покрасить всю голову), чехол с поп-ит на айфоне, который Стиви, должно быть, заметил. Или в этом проблема? Тренд то давно устарел... Но мне нравится давить эти шарики, когда я нервничаю.

— Скрамной? – Стиви не просто так стал предметом моего обожания. Он не только веселый и яркий, но также добрый и понимающий. Он выбирает самое мягкое, щадящее слово, ведь явно не хочет меня задеть. И все-таки задевает. Это не то, что мне (мне, выпившей уже прилично вина, хотя я пила до того лишь пару раз в жизни), хотелось бы услышать от парня, в которого я так давно влюблена.

Я громко хмыкаю и отставляю бутылку. Тяну резинку с волос, позволяя им рассыпаться по плечам, и трясую головой, чувствуя себя при этом заправской соблазнительницей. Комната слегка кружится, но я списываю это на алкоголь. Я подцепляю края худи и стаскиваю его через голову. Под ним – стильный кроп-топ, а не какие-то кружева в духе сорокалетней секретарши.

Стиви, кажется, впечатлен. По крайней мере, он выглядит удивленным, ошалело глядя на мою грудь, на кулон в виде знака бесконечности, лежащий в ложбинке между сисек. И, конечно, взгляду Стиви открыто тату, о котором не знают родители. Надпись «hope, fait, love» прямо над сердцем.

Было, кстати, дьявольски больно. До сих пор морщусь, вспоминая, как мучительно игла входила под кожу.

— Ого, - роняет Стиви, - да в тихом омуте черти водятся.

— Да! – выдыхаю я и забираюсь к нему на колени.

Секс превосходит все мои ожидания, а настоящий член

в сто крат лучше любого вибратора, чтобы там не говорили все эти блогеры. Больше, короче, я не поведусь на их обещания неземного блаженства. Никакой розовый силиконовый агрегат и рядом не стоял с тем, чтобы соединиться во всех смыслах с живым человеком, с человеком, которого ты любишь всем сердцем. А после – валяться в обнимку на моем лавандовом постельном белье, безжалостно спихнув на пол всю плюшевую армию, всех хаги-ваги, лабуд и прочих питомцев, пока китайский проектор проецирует на потолок звездное небо.

Зачем мне игрушки, если теперь у меня есть *мой* Стиви?

Впрочем, просыпаюсь я в одиночестве. Промежность саднит и пахнет вишней (спасибо ароматическим презервативам, что едва дотянули до окончания срока годности в моей тумбочке, прежде чем были использованы). Простыни мокрые, будто я обмочилась, но я утешаю себя тем, что это – застарелый пот. Наш пот. Из-за него мне снилась какая-то муть – я тонула в мрачном сером море, захлебывалась, но никак не могла вырваться из объятий кошмара, чтобы вернуться в приятную, сладкую реальность.

Не такая она, выходит, и сладкая.

Где же Стиви?

Я натягиваю трусы и кроп-топ и обегаю всю квартиру в жалкой надежде, что он вышел на кухню или засел в толчке. Его нет. Он пропал. Он вообще тут был?

Был – заключаю я, заметив на полу винную бутылку

в окружении погасших свечей. В воздухе еще пахнет маршмеллоу и корицей. Увы, не только это свидетельствует о том, что минувшую ночь я провела не в одиночестве, не в компании своей галлюцинации. Но прежде, чем я получаю последнее подтверждение, у меня вибрирует телефон, погребенный где-то под ворохом вчерашней смятой одежды.

Мне уже известно, что это не Стиви – мы не успели с ним обменяться номерами, прежде чем я оказалась на его коленях, а его достоинство побывало в моей – как там ее называют? Пещерке. Киске? Вагине?

Да, какая к чертям собачьим разница?!

На экране уведомление о свежем сообщении от Тиффани.

Хоуп, какого хера?! Ты можешь это объяснить??? – пишет она, и из того, что послание богато знаками вопроса, а не смайликами, я понимаю, что дело серьезное. Под сообщением ссылка на видео в тиктоке. Я жму на нее пальцами, непослушными от ужаса. Руки немеют. Сердце колотится. Вот сейчас у меня точно, без всяких преувеличений, начнется паническая атака. Признаки очевидны.

Лицо... Я вижу лицо Стиви. Он не выспавшийся, у него синяки под глазами, а волосы пребывают в чудовищном беспорядке. Он дерганным движением проводит по ним ладошкой, и как-то встревоженно оглядывается по сторонам. Я узнаю экстерьер вокруг него – это двор кампуса нашего колледжа. Наверное, он снял это, пока шел к себе домой. Даже с мощной стабилизацией изображения последней моде-

ли айфона камера заметно подрагивает, а сам Стиви тяжело, сбивчиво дышит, когда говорит.

«Ребзя, вы не поверите, но я IRL встретил старкершу. Типа не в мемах, не в видосах, а прям в жизни. И это... кринж до костей. Ну... думал, такие истории — байки, а тут... Чилим с девчонкой, она такая: "Мне нравится та книжка про сталкеров", а потом... я у неё нахожу, мать его, алтарь имени меня. Мне, блядь, реально страшно, народ. Что делать? ГЛЯДИТЕ»

Я отрываю глаза от телефона, и реальность раздваивается, сейчас на экране и передо мной одно и то же. Я смотрю на то, что Стиви нельзя было видеть, нельзя было снимать, и уж точно нельзя было выставлять на всеобщее обозрение.

Наверное, стоит начать с того, что это *мне* нельзя было привозить *это* на съемную квартиру?

Но я же не знала, что *он* придет ко мне в гости!

Что зачем-то станет рыться в моих вещах!

И найдет свои...

Створки шкафа для одежды распахнуты настежь, только внутри совсем не одежда. Там мой алтарь. Со внутренней стенки и дверец, как в осколках разбитого зеркала, на меня взирают бесчисленные снимки Стиви, и хоть практически на каждом он улыбается, мне мерещится осуждение в его прекрасных глазах. На вешалке — его школьная форма, добытая мной с огромным трудом, внизу его старые кроссовки, футбольный мяч, с автографом его любимого спортсмена,

которые он когда-то выбросил, а я подобрала. В коробках и контейнерах мои сувениры, безделушки, сокровища, согретые теплом его дыхания и прикосновений. Я два года собирала эту коллекцию. Она намного ценнее, чем все фигурки, все книжки, вся ерунда, что для отвода глаз громоздится на стеллажах.

С тяжелым вздохом я подбираю бутылку от вина и севшую электронку, выуживаю из мусорки использованный презерватив, и, выдвинув бежевый бокс, бережно укладываю новые экспонаты поверх других вещей Стиви, которыми мне украдкой удалось завладеть. Но вместо удовлетворения на меня вдруг накатывают изнеможение, ужас и тошнота.

Ноги не держат.

Я сажусь возле своего оскверненного храма, и, баюкая коробку в руках, горько плачу.

Дальше события развиваются довольно предсказуемо. Конечно, каким-то образом, и надо думать, не без участия Стиви, личность «старкерши» становится известна каждой живой душе, как в нашем колледже, так и во всем интернете. Однокурсники меня избегают. Никто, даже Тиффани, не садится со мной ни за одну парту, ни за один стол в столовой или библиотеке. Я словно чумная крыса в осажденном городе, и малейший контакт со мной грозит навлечь на человека

проклятье и несмыслимое клеймо позора.

И, конечно, Стиви меня избегает, что хуже всего.

Я утешаю себя тем, что обо мне рано или поздно забудут, когда появится новый повод для пересудов, но постепенно начинаю сомневаться, что мне хватит терпения дожидаться этого чудесного дня. Возможно, это самообман, и мне уже никогда не удастся вернуться из страны изгоев в ряды нормальных людей. Но я держусь. Я же знаю, что Стиви – хороший, добрый парень, у него чуткое сердце, он отойдет.

Он поймет, что в моей одержимости нет ничего страшного – это просто такая любовь, и по правде, никто не сможет любить его так сильно, пылко, преданно и самозабвенно, как я. Все закончится хорошо. Я прочитала ту книгу про сталкеров, а потом еще несколько типа нее, и там все заканчивалось любовью до гроба. Людям просто нужно время, чтобы привыкнуть к такой силе чувств и преодолеть страх перед ними.

К ноябрю моя надежда гаснет, а разговор с мамой окончательно ввергает меня в пучину отчаяния. Мама не знает, что Стиви до недавнего времени был не в курсе о моем существовании, как не в курсе, что он, между прочим, мой парень. Я присылала ей фотографии, сгенерированные в нейросети, где мы со Стиви были вместе, а мама... ну людей старшего поколения легко обмануть, куда им угнаться за всеми достижениями цивилизации?

Фотки выходили такими реалистичными, что она мне по-

верила.

По-прежнему верит. И я все еще создаю эти фейки, пусть теперь и обливаясь слезами.

Мама звонит мне.

— Как у тебя дела, пуговка? – воркует она, - как учеба? Справляешься? Не хочешь приехать к нам на выходные поесть нормальной домашней еды? Или ты теперь все время со своим кавалером? Может, вместе приедете? Я приготовлю...

— Фу, мам, - отмахиваюсь я, - во-первых, никто не говорит «кавалер», мы же не в восемнадцатом веке. Во-вторых, он не готов пока знакомиться с моей родней...

— Ну что тут такого, малышка? – спорит она, - речь же не идет о «знакомстве-знакомстве», просто «зависнуть» вместе. Или ты нас стыдишься? Мы с твоим папой очень прогрессивные, не какие-нибудь лохи.

— Прогрессивные люди не говорят «лохи», - осаживаю я, - это кринж.

— Ладно-ладно, - вздыхает она, - но я скучаю, милая. Приезжай одна, я просто хочу тебя видеть. Или... может, я приеду?

Я останавливаюсь на последнем пролете у своей квартиры, чтобы проверить – свободен ли путь.

Дело в том, что с того самого момента, как для окружающих я стала «маленькой психопаткой», «сталкершей», «опасной ебанашкой» и далее по списку, я постоянно получаю маленькие приветы от незнакомцев. В лучшем случае

это розы без шипов или пионы, но мне случилось найти у себя под дверью и старые вонючие кроссовки с открыткой «их носил Стиви Вендел» или кучку дерьма с посланием похожего содержания.

Долбанные пранкеры находят это забавным.

Оттого я не в восторге от маминого предложения. Я не хочу, чтобы ей стало известно о том, какую стремную славу мне удалось заслужить среди других студентов, а также о моей бессовестной лжи.

— Нет, мам, - устало говорю я, - не надо. Я сама к вам приеду, но позднее.

Я вешаю трубку, и, не успев даже убрать телефон, сгибаюсь вдвое, исторгая содержимое своего желудка на лестницу. Я держалась, пока висела на проводе, но рвотные позывы усиливались, по мере приближения к моей квартире. На сей раз шутка зашла слишком далеко.

К моей двери приколотая мертвая белка, и при всем желании я не смогла бы подойти к ней, чтобы снять с нее записку и прочитать. Это совсем не смешно. Это страшно. Я до дрожи боюсь того, что может быть там написано. И что-то подсказывает мне, что день моей амнистии уже не наступит. Дальше будет только хуже.

Я не смогу это вынести.

Я иду на мост, потому что слышала – у этого моста дурная слава. Все люди приходят туда примерно с одной-единственной целью, не даром в городе его прозвали «мостом самоубийц». Желающих прервать свою жизнь не останавливают ни высокие ограждения, ни частые полицейские патрули.

Они не останавливают и меня.

Я думаю, что лучше брошусь вниз, чем дождусь, когда уже не мертвое животное, а меня саму распнут, приколют, как засушенную бабочку, к двери собственной квартиры.

Все меня ненавидят.

Тиффани меня ненавидит, хотя плевать я на нее хотела.

Стиви меня ненавидит, что куда важнее.

Он не даст мне второго шанса. Он считает меня сумасшедшей, чокнутой, ненормальной, отбитой. Стремной. Кринжовой. Опасной и гадкой. Он никогда больше не станет со мной разговаривать. Он никогда больше меня не поцелует. Он боится меня. Он меня презирает.

Я гоняю эти мысли по кругу, глядя на опавшие листья и мусор, что тащит река. Вода кажется черной, и, надо думать, она очень холодная. Я гадаю – я сразу умру, в момент падения, или буду барахтаться и долго, мучительно задыхаться, уходя к самому дну?

Не узнаю, пока не проверю.

Воровато оглядываясь, я проверяю, нет ли поблизости какой-нибудь полицейской машины или случайного прохожего, что захочет мне помешать. Полицейских нет, а прохо-

жий, как на зло, есть, но, к счастью, нас разделяет проезжая часть. Чтобы меня остановить, ему придется рискнуть головой, бросившись наперерез машинам, а никто не готов во имя спасения «ближнего» жертвовать собой любимым.

Мы таращимся друг на друга, и мне начинает казаться, что и он пришел сюда за чем-то подобным. Немудрено, учитывая репутацию этого места. Но мне не нравится, что даже в момент смерти я не одна, а вынуждена делить «мост самоубийц» с кем-то еще.

Вот почему ему было не прийти в какое-нибудь другое время?

Я мерзну и злюсь.

А незнакомец вдруг машет мне, словно узнал старую знакомую. Я растерянно верчу головой – нет ли поблизости кого-то еще, кому он и подает свои странные знаки, но в этой части моста я одна. Я пожимаю плечами и развожу руками.

Типа я не понимаю, что ему нужно.

Ветер треплет его длинные темные волосы, свисающие вдоль лица так, что мне трудно разглядеть его выражение, но за ними, за этими прядями, мне мерещится улыбка.

И чему, интересно, тут улыбаться?

Он подносит два пальца к физиономии, а потом ведет ими в мою сторону.

Мол, я тебя вижу.

Да пошел ты, - думаю я.

Я вцепляюсь в перилла моста за собой и встаю на цыпоч-

ки. Незнакомец копируют мою позу. Но это же, черт возьми, не синхронное плавание! – мелькает у меня в мозгу, прежде чем я отталкиваюсь от асфальта, и, спиной переваливавшись через перила, лечу вниз.

Вода куда холоднее, чем я ожидала. Она выбивает воздух из легких, а заодно лишает меня малейшего желания барахтаться в ней, инстинктивно борясь за свою жизнь. Я складываю лапки на груди и камнем иду ко дну. Пуская облака пузырей, я провожаю глазами удаляющийся свет наверху.

По моим представлениям он должен быть теплым, фонарным, но отчего-то он синий и зыбкий, словно резко откуда-то вышла луна и залила всю поверхность реки. Даже сквозь ее толщу мне больно смотреть на этот яркий свет, на фигуру, возникающую из него – размытую, как пришелец, снизошедший по трапу своего летательного аппарата. Ко мне тянутся не руки, а щупальца света. Они обнимают меня, и качают, мягко качают, не позволяя пропасть в глубине. Мне становится тепло, легко и спокойно. Ресницы смыкаются сами собой, а в уши вместе с водой заползает далекая, едва уловимая песня, самая прекрасная из всех, что я когда-либо слышала.

Я открываю глаза и кашляю.

Горло дерет.

Нет никакой песни, никакого света, лишь вода, набившаяся в рот, которую я сплевываю, перевернувшись на живот. Кто-то придерживает меня за плечо и хлопает по спине, помогая избавиться от остатков влаги в легких. Воздух неук-

люже стремится внутрь, по ощущениям, мне в глотку словно засовывают щетку для прочистки каминных труб.

Больно.

Больно до тех пор, пока чьи-то пальцы не проводят по моему затылку, так ласково, как могла ко мне прикоснуться только мама. Но ее тут нет. Боже упаси. Она пришла бы в неопиcуемый ужас от всего, что я натворила.

Преследовала парня. Попалась. Пыталась покончить с собой, чтобы не разбираться с последствиями своих поступков. Не так она меня воспитывала. Я точно не заслуживаю ее гордости. И таких нежных прикосновений, что каким-то образом снимают дискомфорт в теле и дарят удивительную легкость и ясность уму.

При поддержке этих волшебных рук, я сажусь, и наконец-то вижу своего спасителя.

Это, кажется, тот самый чудила с моста – я узнаю длинные черные волосы, достигающие ему до подбородка, словно он какая-то рок-звезда из восьмидесятых. Парень заправляет пряди за уши. У него необычные черты лица, но есть в них что-то располагающее к себе, пусть и странное. Он в целом совсем не похож на всех, кого я знаю, и к кому привыкла, но прежде я и не зналась с городскими сумасшедшими. Незнакомца я сразу определяю в эту категорию.

Иначе зачем он сиганул с моста в след за мной? Вода ледяная. Погибли бы оба. Именно это я и говорю, потому что больше ничего в голову не приходит.

— Не надо было меня спасать, - хрипло выдаю я, - вы... ты... мог тоже утонуть.

— Я хорошо плаваю, - спокойно отвечает он, и, черт возьми, у него самый приятный голос на свете. С таким голосом ему бы вести СМР-подкасты. Я с удовольствием поорудовала бы вибратором под этот бархатный баритон, а потом спала бы как младенец.

Да, я уже хочу спать. Хочу в свою сухую, теплую кровать, зарыться в плед, обложиться всеми плюшевыми тварями и лежать без движения много часов подряд.

Меня знобит. Заметив это, незнакомец накидывает мне на плечи свою куртку. Я поражаюсь, что она не промокла во время купания в реке. Или у него на берегу была припрятана запасная? Может, это его хобби – вылавливать незадачливых самоубийц, вот он и держит где-то поблизости все необходимое для оказания первой помощи, аптечку, теплые вещи.

А вдруг он не псих, а психолог, что так расширяет свою клиентскую базу?

— Ты ждешь благодарности? – осторожно уточняю я, - или...

— Нет, - возражает незнакомец как-то весело, и вот тогда я замечаю, что он несильно меня старше, и очень даже симпатичный, по крайней мере, улыбка чудесным образом преображает его странное лицо, - хочу услышать, зачем ты это сделала.

Я тяжело вздыхаю и чувствую, как остатки воды хлюпают

где-то внутри. Словно он вытащил меня из реки, но не реку из меня.

Мои мысли пугают меня, но я списываю их на шок от пережитого. Как и то, что говорю дальше.

— Ладно, - почему-то соглашаюсь я, - но можно... можно это сделать в каком-то теплом месте?

— Конечно.

Transformation.

Еще только вчера я впервые ночевала с мужчиной (с самим Стиви Венделом), а сегодня уже тащусь домой к какому-то мутному незнакомцу. И хоть он и представился - зовут его Эзра, а фамилию он опустил – ни незнакомцем, ни мутным он оттого быть не перестал. Имя чудное, как псевдоним. Но я то тоже сказала, что меня зовут Синди.

А что было делать? В больницу я ехать отказалась, зачем, когда у меня удивительным образом ничего не болит, не к себе же его вести? И уж точно не в какую-нибудь кофейню или забегаловку, чтобы на нас пялились все, кому не лень. Видок у нас еще тот – оба мокрые и грязные, как бродячие псы. Так что я в каком-то смысле сама набилась к нему.

На минуточку, я пыталась покончить жизнь самоубийством. Мне поздно чего-то бояться.

И все же слегка стремно.

Обитает Эзра, к счастью, недалеко, и не на заброшенном складе или в жутком бункере маньяка, а в обычном старом доме. По пути он вскользь упоминает, что и оказался на мосту, потому что частенько гуляет на набережной. Ему нравится смотреть на воду. И, надо думать, на самоубийц, что ныряют в нее в любое время года. Это я добавила от себя. В целом его квартира цивильная, но такая пустая, будто тут вообще никто не живет. Минимум мебели. Минимум вещей.

Простой, однотонный, скучный дизайн, который и дизайном то не назовешь.

Эзра спроваживает меня в ванную, и, запершись изнутри, я принимаюсь ползать по полу, выискивая между плитками остатки застарелой крови. Благодаря сериалам и тру-крайм я в курсе, что серийные убийцы расчленяют трупы именно в ванной.

Ничего нет.

Чисто.

Или он аккуратный маньяк, или не маньяк вовсе.

И хоть мне повезло не утопить телефон, он все равно промок и не включается. Мне остается только понадеяться, что маме не понадобится позвонить мне прямо сейчас, а гаджет придет в себя как-то сам. Я оставляю его на сушилке для полотенец, сильно сомневаясь, что у моего спасителя найдется дома фен. Насколько я знаю, парни не сушат волосы. А подружки у Эзры, скорее всего, нет. Я уверена в этом, поскольку в ванной также пусто, как и везде – ни косметики, ни предметов гигиены или уходовых средств, словом, ничего, свидетельствующего о присутствии здесь особи женского пола.

Путь свободен, - желчно подшучиваю я над собой. Можешь стащить шампунь, чтобы положить начало своей новой коллекции.

Больше брать тут и нечего. Разве что... бритву. Бритва – это на самом деле ценная вещь. Я трусиха. Мне все-таки

страшно. Я... ну, бывала в гостях у одноклассников, случилось, но не дома у мужчины, что, предположительно, ровесник моего отца. Или нет? Я не знаю, сколько ему. Но Эзра явно меня старше и старше прилично.

Короче, какой-то дед.

Бритву я прячу в карман выданных мне сменных штанов, но, выйдя из ванной, быстро теряю к ней всяческий интерес, и жалею, что определила Эзру в категорию «дедов». Он переделся – сменив свитер на простую темную футболку, не скрывающую, что для пенсионера он вполне себе в неплохой форме. У него красивые руки, крепкие мышцы на груди, а из-под рукава выглядывает татуировка на бицепсе – однотонный геометрический узор. Ух ты. У папы, как и у его друзей, ни татуировок, ни мышц толком не было, зато имелись пивные животики.

Ладно-ладно.

Беру слова про деда обратно.

— Выпьешь чего-нибудь горячего? – деловито предлагает Эзра, - горячительного не держу, да и ты... ты вообще совершеннолетняя?

— Я учусь в колледже, - с апломбом сообщаю я, но сдаюсь под его насмешливым взглядом, - на первом курсе, - добавляю, сконфузившись.

Он пожимает плечами, мол, со всеми бывает. Или нет. Не понимаю, как трактовать его жест. Спohватившись, я указываю в его сторону пальцем и предостерегающе говорю:

— Чаю, но заваривай его при мне! Вдруг ты захочешь мне что-то подмешать.

Боже, какая же я идиотка – сержусь я. Эзра не обижается, а с совершенно невозмутимым видом извлекает из кухонного шкафа коробку заварки, предварительно предложив мне осмотреть ее содержимое и дно чашки. Я давлю страдальческий стон от демонстративности этого ритуала. Зачем тыкать меня в мою же глупость? Или это шутка такая? Стариковская.

Себе Эзра наливает просто стакан воды из-под крана.

— А тебе сколько лет? – вырывается у меня.

— Тридцать три, - спокойно откликается он. Выходит, он куда младше родителей, но все-таки, по моим меркам, уже староват. Мне недавно исполнилось восемнадцать. Я не могу представить себя тридцатитрехлетней, как не могу представить себя с кем-то настолько взрослым. Я, конечно, слышала, что мужчины наоборот предпочитают помоложе, но мне кажется, конкретно этот экземпляр воспринимает меня, как сущее дитя. Не иначе, сейчас начнет ездить мне по ушам, какое ребячество самоубийство.

Я шумно хлебаю чай, и на всякий случай долго поласкаю первую порцию во рту, пытаюсь ощутить сторонние примеси. Чай и чай. Гадкий и горький, а сахар я попросить не решилась. Это уж точно не раф с малиной и солью, который я предпочитаю обычно, но раз никто не планирует меня убивать или насиловать, лучше не наглеть. Кстати об этом.

— Спасибо, - выдавливаю я, так и не разобравшись, за что именно благодарю. За невкусный чай? За душ? За гостеприимство? За непрошенное спасение? Почему, кстати, Эзра еще не приступил к тому, ради чего мы здесь – в смысле, к допросу, зачем я прыгнула в воду?

Я жду. Я ершусь внутри, готовясь дать отпор. Не надо меня жалеть. Не надо обесценивать мои чувства. Ты не представляешь, что мне пришлось пережить, что подтолкнуло меня к краю. Ты не знаешь, что такое быть изгоем, когда все тебя ненавидят, когда ты упустил свой единственный шанс на счастье, которое было так близко. Я ухожу. Пока-пока.

Но я рассчитывала сказать это, прежде чем смыться. А Эзра не спрашивает ни о чем. Он пьет свою воду, покачивая стакан в крупной ладони. Он даже не смотрит на меня, а куда-то мимо. И не моргает, что начинает меня нервировать.

Тревожность зашкаливает.

— Ты сказал, что хочешь услышать, почему я прыгнула, - напоминаю я. Бросаю вызов. Вызов, который проходит мимо цели. Темные глаза скользят по мне. Выражение лица Эзры по-прежнему бесстрастное.

— А ты готова об этом говорить? – будто лениво откликается он.

— Я... - я теряюсь. Чел, да какого! – я... я думала, что...

Я точно от себя этого не ожидала, но вдруг принимаюсь плакать. От гнева не остается и следа. Бурный поток невыраженных чувств сшибает меня с ног, хорошо, что я сижу на

мягком, сером диване, который кажется мне унылым и безвкусным, как и все в этой комнате.

Однако, мне в голову вдруг приходит странная мысль: эта комната, как рамка для фотографии, и ее задача не кричать о себе, не отвлекать от самого изображения. Здесь достоин внимания только этот мужчина – с его непоколебимым дзен, необычной внешностью, глазами, что словно вбирают в себя, как холодные воды ночной реки. Ему ни к чему окружать себя всяким мусором, ведь в нем есть что-то, чего нет во мне. А во мне ничего нет. Я – зеркало. Я отражение тех, кто в него смотрит. Я отражала Стиви Вендела целых два года, как отражала до него кого-то другого, и теперь он ушел, бросил меня, забрал все, что мне неосознанно дал, и это сводит меня с ума.

Я думаю об этом, потому что на мгновение мне кажется, что в моей пустоте вдруг отразился кто-то другой. Я примеряюсь. Я прикидываю, хорошо ли он будет смотреться.

Прекрати, Хоуп.

Не стоит пихать в дыру в груди все подряд.

Всех подряд.

— Ты меня осуждаешь? – хнычу я, растирая сопли по лицу, - за то, что я это сделала? Типа... ну... в мире так много несчастных людей, кому хуже, чем мне, но они ничего такого не делают...

— Нет, не осуждаю, - говорит Эзра. Он не двигается с места. Не садится после меня, чтобы обнять и утешить. А ведь

мог бы! Мог бы воспользоваться моментом, полапать, ну и всякое тому подобное. Я разбита в хлам. Мне все равно, что со мной сотворят. По правде... я в таком отчаянии, что мне даже слегка любопытно, как это было бы со взрослым мужем. Он, поди, опытный.

Особенно, если это поможет забыть о Стиви.

— Если ты так поступила, у тебя были на то веские причины, - замечает Эзра. Я догадываюсь, что будет какое-то продолжение. Я очень жду какого-то продолжения. Он откидывается на спинку кресла, и, убрав за уши волосы, что уже успели подсохнуть и слегка завились на кончиках, испытующе глядит на меня. Наконец. Вот оно, правда не то, к чему я готовилась. — Но мне кажется, тебе понравилось.

— Что? – выпаливаю я, невольно подавшись вперед. Я так изумлена, что мигом перестаю плакать.

— Что ты испытала в тот момент? – отвечает он вопросом, - прыгнешь еще раз?

Я сосредоточенно хмурюсь. Да он, мать его, издевается! Я искупалась в грязной, холодной воде, угробила свой телефон – как это могло что-то во мне изменить? Мертвая белка не исчезнет с двери моей квартиры, как по волшебству. Насмешки и унижения не закончатся. Стиви Вендел не проникнется ко мне любовью и сочувствием, если узнает, что я ко всем своим безумствам, еще и пыталась покончить с собой. Это жалко. Унизительно. Отвратительно. Я не ушла камнем на дно, но я его пробила. Мне лучше забрать документы из

колледжа, уехать домой или уйти в монастырь. Стыд – вот, что я чувствую. И немного обиду. Мне не нравится, когда лезут в душу.

Я не просила о сеансе психоанализа. Не просила меня спастись – начнем с этого.

— Какое тебе дело?! – я обращаю на Эзру всю свою ярость, - может и прыгну! Опять станешь мне мешать?!

— Нет.

Я грохаю чашку с недопитым чаем на столик и вскакиваю.

— Что «нет»?!

— «Нет», я не стану тебе мешать, - отвечает Эзра, не сводя с меня глаз, - и «нет», ты не прыгнешь.

Ага – ликую я, я его раскусила! Он пытается использовать на мне приемчики реверсивной психологии. Говорит «нет», чтобы мне захотелось сделать все наоборот. Только... Что он от меня ждет? Что я все-таки прыгну? Но для чего он тогда меня спас и притащил сюда? Я чувствую себя вконец сбитой с толку. Этих долбанных миллениалов не поймешь! А оттого совершенно не ясно, что ответить на его слова. Я решаю, что должна поступить по-своему, этого он точно не ждет.

Я выбегаю в прихожую, вставляю ноги в свои промокшие кроссовки и даю деру.

Конечно, Эзра меня не останавливает.

Как я уже упоминала выше – я трусиха. Снять со своей двери мертвую белку и аккуратно упаковать ее в обувную коробку – самый храбрый поступок в моей жизни, но, к сожалению, на этом моя смелость кончается. Я не знаю, что дальше делать с бедняжкой. Ее ведь полагается похоронить? Надеюсь, несчастное животное не убили специально, чтобы насолить мне, а просто подобрали в парке у колледжа. Словом, швырнуть трупик в мусорный бак у меня не поднимается рука. Белка и так пострадала ни за что. Она была гонцом, доставившим мне уродливую картинку, где и меня саму изобразили в виде чучела. Подпись еще омерзительнее:

«Коллекционер».

Я отмокаю в ванне, валяюсь в постели, снова отмокаю в ванне, снова валяюсь в постели. Не хожу на занятия. Не выхожу из дома. Заказываю еду с помощью ноутбука – телефон то я позабыла в квартире Эзры, но я туда, как я уверена, уже никогда не вернусь. Я пока не готова наврать что-то маме, потому позорно гашусь. Пишу ей через мессенджер на компе, что я очень занята и меня завалили учебой. Очень-очень занята. Занята самобичеванием и ужасом от того, что белка, засунутая в холодильник, куда мне теперь страшно заглядывать, вот-вот начнет вонять на всю квартиру. На весь дом. На весь город. На всю вселенную. Боже. Я боюсь трупов. И человеческих, и животных, но их особенно. Невероятно, что я вообще осмелилась притронуться к белке, пусть и в толстых резиновых перчатках.

Осознав, что я толком и не слышу, о чем говорят герои сериала на «Нетфликс», я захлопываю крышку ноутбука и сижу в тишине. Сериалы не спасают. Игры не спасают. Музыка не спасает. Книги... в них лучше и не заглядывать. Везде сплошные напоминания – не о Стиви Венделе, а о сталкерах или загадочных высоких мужчинах, что пленяют сердца бедных простых девушек. Мое сердце не в плену. Но мои мысли навязчиво крутятся вокруг стремного типа, вытащившего меня из реки.

Важное уточнение – стремный, не потому что урод, а потому что очень странный. Поведение Эзры не поддается понятной мне логике. Привел к себе, но даже не пытался помогать. Спас, но подговаривал снова спрыгнуть с моста. Тарашился на меня взглядом психопата, но дал уйти.

Что это было?

И что он, во имя всего святого, имел в виду, когда сказал, что прыжок мне понравился? Он о коротком мгновении полета? Да я его совсем не запомнила, как и пребывание под водой! А исторгать ее из пасти, сидя на берегу, уж точно не назовешь приятным времяпровождением. Как я должна была после этого измениться?

Я осталась прежней.

Быть может... он поэтому и предлагал повторить, чтобы я смогла в мельчайших подробностях оценить все прелести процесса?

Нет, это бред!

И у меня порядочно раскалывается голова от построения предположений. Есть только один способ узнать. Узнать, а заодно забрать свой телефон. Вдруг Эзра в довесок ко всему еще и какой-нибудь хакер, как герои всех этих романов о таинственных мужиках? Тогда ему ничего не стоит взломать айфон и увидеть все мои голые фотки и неудачные селфи.

Именно эта тревожная мысль и подстегивает меня к действию. Прихватив небольшой «подарочек», я не иду на мост, как Эзра того ждет, а тащусь напрямик к нему домой. Я более-менее запомнила дорогу, а вычислить и отыскать нужную квартиру не так уж и сложно. Недаром я два года следила за Стиви Венделом, чтобы испытывать затруднения в таких вещах. Я, наверное, могла бы на этом зарабатывать. Знала бы как!

Только дверь открывается, я, словно защищаясь, пихаю в проем свою ношу – коробку с мертвой белкой. Типа я не с пустыми руками. Эзра принимает мое подношение и заглядывает внутрь, но его совсем не впечатляет увиденное. А я готовилась к тому, что бедное животное полетит мне в лицо. Нет, он все такой же спокойный, как и в нашу прошлую встречу, чего нельзя сказать обо мне.

— Это – причина, почему я прыгнула! – кричу я вместо приветствия, - что на это скажешь!?

— Ш-ш-ш, - Эзра останавливает меня взмахом руки, - хорошо. Пойдем. Только, пожалуйста, не ори на весь дом.

Я охреневаю с открытым ртом, пока он вставляет ноги в

ботинки и накидывает куртку – ту самую, что спасла меня от обморожения. Я безропотно плетусь за ним, но встаю, как вкопанная, когда он приводит меня на набережную, ставшую местом нашего знакомства. Эзра мягко подталкивает меня под лопатки. Прямо к берегу, где совсем недавно я отплывалась от воды после своего несостоявшегося самоубийства.

— Похоронить здесь негде, но так даже лучше, - изрекает Эзра. Он приседает на корточки и трогает воду кончиками пальцев. Я мнусь позади него, окончательно сбита с толку.

Что происходит?! Как это все понимать?

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок? – спрашивает Эзра через плечо, не глядя в мою сторону.

Сказать напоследок?

Он убьет меня?

Утопит?

А-а-а! Помогите! Сраные милениалы! Мне не помешал бы телефон с чатом-GPT, чтобы задать ему свою сотню вопросов, но он по-прежнему в квартире этого психа. Я беспомощна. Брошена на произвол судьбы и премудрые нейросети меня не спасут.

Я слишком долго туплю. Эзра вздыхает, и наконец поворачивается ко мне. По мне видно, что я нуждаюсь хоть в каких-то объяснениях. Только я рано раскатала губу – он молча выпрямляется во весь рост, и, приблизившись, всучает коробку в мои замерзшие, трясущиеся от волнения руки. Это уже не паническая атака. Это десять панических атак в

одном флаконе.

— Прощальное слово, - шепчет Эзра мне прямо на ухо, склонившись так близко, что я едва не вскрикиваю, - можно про себя. И отдай *ее* реке.

— Это не мой сраный питомец! – вырывается у меня, - не то...

— Нет, - соглашается он, и его холодные, чуть влажные пальцы, поглаживают мои трясущиеся кисти, мертвой хваткой вцепившиеся в коробку, - это – ты, *Синди*. Та твоя часть, которую ты хотела убить, когда шагнула с моста. Отпусти ее.

Я не смотрю на него. Я смотрю на мост – отсюда он такой огромный, что, кажется, прыгнув с него, попросту невозможно уцелеть. Наверное, мы оба мертвы – и это какая-то уродливая жизнь после смерти. От одной этой мысли холод пробирается мне под одежду, пронизывает до самых костей. Ветер ерошит наши волосы. Я и не заметила, когда он поднялся. А еще – идет снег – пока теплый, таящий в полете, но первый в этом году.

Ладно. Хорошо. Будь по-твоему.

Я шатко опускаюсь на колени, придерживаемая заботливыми руками Эзры, и кладу коробку на черную поверхность реки. Не отпускаю, а жду, наблюдая, как волны вгрызаются в пестрый картон. Я закрываю глаза. Это просто такой аутотренинг. Потом я спрошу у Эзры, не является ли он каким-нибудь хитровыебанным коучем, что помогает людям справиться с жизненными трудностями всякими неординар-

ными методами.

Я пообещаю на него подписаться, если только он отдаст мой телефон.

В голове пусто. Мне никак не подобрать подходящие слова для «прощальной речи», словно я забыла свой родной язык. Потому я просто тихо говорю:

— Прощай.

Я выпускаю коробку. Она идет ко дну, а через минуту ее уже не видеть. Течение забирает ее себе. И мне непостижимым образом становится легче. Нет мертвой белки – нет проблемы, которую она символизировала. Мне больше не нужно совершать самоубийство – бедное животное умерло за меня. А вода... Вода стерла все.

После «погребального обряда» Эзра достаивает меня объятий – видимо, проделывает это со всеми своими пациентами. Я утыкаюсь опухшим от холода носом в колючий свитер и заключаю, что мне нравится его запах. Это какой-то парфюм? Или дезодорант? Аромат, безусловно, брутальный, но я купила бы его себе, чтобы иногда наносить на подушку, когда нам с розовым китайским другом захочется острых ощущений. Захочется мужчину, а не мальчишку из тик-тока. Как ни странно, теперь я думаю о Стиви Венделе именно так. Он суший ребенок. Он не утешал бы меня, и уж точно не организовал бы поминки по бельчонку, чтобы снять это тяжкое бремя с моей души.

— Ты психолог? – бормочу я в свитер, - я так и поняла...

— Нет, - с легким смешком откликается Эзра, и я чувствую, как этот звук отдается в его груди. Он такой взрослый, такой обволакивающий, как урчание зверя. Он вызывает у меня мурашки. Приятные мурашки.

— Просто знаю, что «символические» жесты помогают облегчить боль, - заканчивает он, отстранившись, чтобы посмотреть мне в лицо. Нет, я не плачу. Пусть и не рассчитывает. Но я вынуждена признать его правоту. И мне кое-как удается набраться мужества произнести это вслух.

— Это и правда работает, - соглашаюсь я, - мне легче... но...

— Но? – повторяет Эзра.

— Ты, наверное, думаешь, что я какая-то маленькая девочка, что убивается из-за мертвого животного, - говорю я, и в этих словах нет злости, только горечь, - но дело не в этом... Мне подбросили эту белку, потому что... потому что все меня ненавидят... все меня презирают... меня травят... надо мной издеваются... я прыгнула, потому что больше не могла это выносить... я боюсь... боюсь, что они...

— Кто бы это не сделал, им не хватит смелости, - замечает Эзра, и теперь в его голосе прорезаются стальные нотки. Они обращены не ко мне, а к неким абстрактным «им», но я все равно напрягаюсь. Вокруг нас ни души. Мы одни на берегу, среди голых кустов, в темноте, под мокрым снегом. Фонари на мосту кажутся очень далекими, как и весь остальной мир. Пожелай Эзра свернуть мне шею – меня никто не спасет. Но

зачем ему это делать?

Словно в ответ на мои опасения, его пальцы стискивают мой подбородок, но пока, к счастью, не горло. И всего лишь затем, чтобы не позволить мне отвернуться. Его тон вкрадчивый. Его взгляд прожигает меня насквозь, а глаза сейчас кажутся чернее воды.

— Они чувствуют в тебе слабость, - говорит Эзра, и его большой палец скользит вверх, касается моей нижней губы, чуть оттягивая ее вниз, - покажи им зубы и никто тебя не тронет.

— Легко сказать, - нервно смеюсь я. Я уже не испугана, а смущена. Этот жест куда интимнее, чем все, что когда-либо происходило между мной и... кем-то. Наверное, даже в сексе с вождленным Стиви Венделом было меньше эротизма. Я уж молчу про армию своих игрушек. Я вся трепещу. И оттого теряю контроль над моим речевым аппаратом. Он готов исторгнуть что угодно, лишь бы этот странный мужчина не переставал прикасаться ко мне таким образом.

— Я трусиха, - признаюсь я, - я...

— Нет, - возражает Эзра, - трусихой была *та* Синди, но ее больше нет. Ты – очень храбрая. Я вижу в тебе это.

Он вдыхает в меня веру в это утверждение вместе с поцелуем. Темным и глубоким, как река, что неспешно бежит рядом с нами, разбивая на осколки свет фонарей на мосту.

Как выясняется, головокружительный поцелуй – был лишь демо-версией, и все, о чем я могу думать отныне – это как приобрести премиум-подписку со всем доступным функционалом. Я опасаясь, что для этого мне придется основательно поднабраться терпения, ведь причина кроется в колоссальной разнице в возрасте между мной и Эзрой, о которой он за каким-то чертом вспомнил и держит в голове. Пятнадцать лет – это, конечно, не шутки, но разве преграда для истинной любви? Я уже совершеннолетняя. Я взрослый человек и имею право распоряжаться судьбой и телом по своему разумению. Но, увы, недостаточно взрослый человек, чтобы осмелиться поднять эту тему.

Потому я довольствуюсь тем, что Эзра мне дает – а за пару недель это уже куда больше, чем за два чертовых года дал Стиви Вендел.

Все время, что я не на учебе (Эзра настаивает, что мне не стоит на нее забивать, особенно из-за насмешек однокурсников), я торчу у него. Он нигде не работает и ничем не занят, кроме чтения книг. Я тоже волей-неволей к этому пристрастилась, следуя его примеру. В его компании мне все равно стыдно доставать свой айфон, воскресший из мертвых, а надо чем-то себя занимать. У Эзры нет телефона (это странно, но круто), нет телека или ноутбука. Только толстые фолианты, которые он откуда-то приносит целыми стопками и раскладывает на подоконнике. Пока он разбирает новые по-

ступления, я тихонько сижу рядом, поглядывая на пыльные выцветшие обложки из-за его плеча. Иногда, осмелев, я пособачьи кладу голову ему на локоть, и он будто неосознанно, но очень ласково гладит меня по волосам.

Я тащусь, но мечтаю о большем.

Волосы я перекрасила – обратно в родной цвет, сочтя свои розовые и голубые прядки каким-то ребячеством. Я изменилась. И поэтому и избегаю так яростно своей квартиры, которая кажется склепом той Хоуп, которую я отправила в плавание вместе с несчастной белкой. Она была слабой. Глупой. Поверхностной. Она забивала свою пустоту всем этим бессмысленным хламом, но он не заполнял ее, а лишь громоздился мертвым грузом, что тянул меня на дно. Лишь в скучной – как мне казалось – квартире Эзры и рядом с ним я наконец-то чувствую себя полной. В духовном смысле. Не в физическом. Но однажды...

Однажды это изменится.

Подсказку мне дает само провидение, когда в библиотеке колледжа я случайно сталкиваюсь с заучкой Тиффани Пирс, недолго бывшей моей «подругой». Я успела забыть, что библиотека – ее естественная среда обитания. Она меня замечает, но не сразу решается подойти, а долго присматривается с таким видом, будто не узнает. Еще бы – другая прическа, другая одежда и совсем другой стиль жизни. Я, как хорошая девочка, пришла взять литературу по программе вместо того, чтобы читать ее в кратком содержании в интернете.

Тиффани настигает меня уже у выхода.

— Привет, - робко говорит она.

— Привет, - откликаюсь я.

— Как у тебя дела? – до неприличия откровенно она та-
ращится на мой темный свитер, или, быть может, чувствует
исходящий от него запах мужского парфюма. Свитер – такой
же, как у Эзры, и аромат я нашла. Вроде тот же или просто
похожий. Две ночи изучала каналы парфюмерных блогеров,
чтобы напасть на след.

Все-таки трудно разом отринуть все прежние привычки.
Но я, как минимум, не завела новый «алтарь», что уже хо-
рошо.

Есть старый алтарь, от которого в срочном порядке нужно
избавиться.

— Нормально, - вежливо отвечаю я, - а у тебя?

— Нормально.

Вот и поговорили!

Но это еще не все. Тиффани хватает меня за предплечье,
не позволяя уйти. Она воровато озирается по сторонам, про-
веряя, что нас никто не услышит. Ну, конечно. Ее, бедняжку,
никто не проводил через процедуру, избавляющую от страха
и комплексов.

— Слушай... - понизив голос, начинает она, - извини ме-
ня, если что... Я просто пересралась из-за той истории со
Стиви. Я не думаю, что ты какая-то...

— Какая? – любопытствую я.

— Странная? – неуверенно отвечает Тиффани, - все с тобой ок. И Стиви, я думаю, уже отошел... И...

— Спасибо, но меня это больше не интересует, - обрываю я, и считаю себя обязанной добить Тиффани окончательно, - у меня теперь есть парень.

Тиффани понимающе кивает, и мне не важно, поверила она или нет. Главное, что я сама в это верю, хотя наши отношения с Эзрой довольно необычные, и временами я грузю себя тем, что также он, наверное, обращался бы со своей младшей сестрой, без всякой подоплеки в духе популярных сериалов. Ну... типа «инцест дело семейное» и тому подобная гадость. Как я заметила, он весьма старомодный – еще бы читать книги и не иметь сотового телефона! – вот и бережет по-своему мою честь.

Впрочем, именно встреча с Тиффани и дарит мне идею для шикарного символического жеста, который даст Эзре понять, что я готова. Мы встречались только на его территории – и изредка на нейтральной, но я ни разу не приглашала его к себе, стесняясь того ширпотреба, которым набила свою съемную квартиру.

Время пришло.

Показать ему, какой ничтожной я была до него. И проститься с этим прошлым.

Я была куда меньше испугана, когда шла на вечеринку знакомиться со Стиви Венделом, чем сейчас. У меня взмокли ладошки, а черная водолазка от пота намертво приклеилась к спине. Я дышу через раз, и раньше подумала бы, что у меня паническая атака, но Эзра отучил меня ставить себе диагнозы, начитавшись всякой фигни в интернете. Когда-то мне доводилось бывать у школьного психолога, и к огромному огорчению меня-подростка, у меня не нашлось ничего серьезного. Ни аутизма, ни шизотипического, ни модной биполярки. Я тогда сочла, что психолог – полный профан, ведь сто тысяч тестов утверждали обратное. Нынешняя я не поверила бы глупым тестам.

Но я и правда очень волнуюсь. Я боюсь, что Эзра поднимет меня на смех при виде всего этого кричащего разноцветного безобразия. Боюсь, что он от меня отвернется. Ладно еще – девчонка, что сиганула с моста, а потом примчалась к нему с дохлой белкой в коробке, но это, простите меня, уже слишком.

Я пропускаю его в квартиру, не осмелившись даже чмокнуть в гладковыбритую щеку – дозволенный им, невинный, приветственный ритуал. Я роняю на пол упаковку огромных черных мешков и мечусь, не зная, что делать – то ли их поднять, то ли сначала закрыть дверь. Эзра приходит мне на выручку и сам подбирает мешки.

— Только не говори, что у тебя тут что-то мертвое покрупнее белки, - подтрунивает он. Я кривлюсь. Напомина-

ние о том инциденте не делает легче мое положение.

— Эм... нет... - бубню я, семена за ним, когда он решительно минует прихожую и идет в комнату, - но я... я хотела прибраться и... надеялась, что ты мне поможешь.

Вот он — момент истины. Я вжимаю голову в плечи и жду приговора. Эзра, как и всегда, выглядит невозмутимым. Остановившись у дверного проема, он окидывает взглядом музей жизни прежней Хоуп, и мой взгляд повторяет траекторию его. Не знаю, что из всего этого вызывает во мне большее чувство кринжа - (прекрати употреблять эти тупые словечки!) — отвращения: балдахин над кроватью, заваленной плюшевыми игрушками; коллажная стена с фотографиями чужаков или распаханное нутро шкафа с алтарем развенчанного культа личности Стиви Вендела.

— Я хочу все выбросить, - быстро говорю я, словно оправдываясь, - мне это больше не нужно. Оно... оно принадлежало *ей*, а не мне.

— Ну... зачем выбрасывать? — с небольшой запинкой говорит Эзра, - можно отдать на благотворительность.

И от его теплой улыбки мне хочется выпрыгнуть из белья. Он меня не осуждает. Он поможет мне пройти и этот этап на пути к своему взрослению, к своему перерождению.

— Ты прав, - соглашаюсь я.

— Такое «наследство» осчастливит какую-нибудь бедную двенадцатилетнюю девочку, - все же не сдерживается он, вызвав у меня недовольное фырканье. Я мигом смягчаюсь, на-

блюдая, как Эзра деловито закатывает рукава свитера и собирает волосы в хвост на затылке, чтобы не мешались.

Мы тратим здесь полдня, разбирая весь этот хлам, фасуя его по пакетам и коробкам, делая небольшие паузы на то, чтобы выпить воды, кофе или чая. Кое-что все-таки отправляется в мусор: а именно Стиви и все, что с ним связано, а также отчего-то особенно мне неприятные снимки незнакомцев с китайского маркетплейса. Добравшись до своего арсенала вибраторов я спешно сую их в какой-то бокс, пока Эзра не заметил, но запоздало думаю, что мне еще придется из-за них посмущаться в «Красном кресте». Сомневаюсь, что там принимают такие пожертвования, но и себе оставлять мне их не хочется. Они – напоминание о моем одиночестве. Я верю, что они мне уже без нужды. Все, что может мне пригодиться в дальнейшем – это ноутбук, наушники, фотки родителей и прожиточный минимум шмоток. Все это умещается в одну спортивную сумку, что я запикиваю под кровать от глаз подальше.

Снаружи идет снег и стало совсем темно. Я тянусь к последней уцелевшей гирлянде, но, вместо того, чтобы снять ее и зашвырнуть к остальным, а у меня их в хозяйстве имелось немало, я щелкаю выключателем, и комната озаряется теплым, ласковым светом. Не смотря на мешки, коробки и ящики, сгруженные в углу, она кажется мне куда уютнее, чем была. Здесь даже дышится легче. Я и не понимала, как сильно меня душил весь этот предметный мир.

Мне жарко. Энергичный труд разогнал кровь по телу. Я по привычке, позабыв, что не одна, стаскиваю с себя промокшую водолазку, оставшись в одном темном кроп-топе, и замираю. Не сочтет ли Эзра это намеком? Я вовсе не порывалась нарушить границы. Но мы одни в комнате, наполненной волнительным золотым светом гирлянды. И я сижу на краю кровати, переводя дух.

Эзра смотрит на меня с нечитаемым выражением. Я вздрагиваю, стоит ему приблизиться, и, склонившись надо мной, коснуться моей кожи чуть ниже ключицы. Опустив взгляд, я понимаю, что завладело его вниманием: татуировка «hope, faith, love».

Боже мой, как же это неловко!

Я тороплюсь прикрыть ее ладонью, но он отводит мою руку в сторону. Глаза прикованы к глупой надписи. Но смысл – лично для меня – его не интересует. Эзра спрашивает:

— Сколько тебе было?

— Пятнадцать, - тихо и пристыженно отвечаю я, но большего он от меня не добьётся. Я умру от унижения, если мне придется рассказать, что точно такая же, но повыше, была у певицы, по которой я тогда фанатела. Я сделала ее над грудью, чтобы не спалили родители. Я была полной дурой!

Впрочем, я не сильно поумнела. Я и думать забыла про татуировку, окутанная близостью этого невероятного, странного, но такого притягательного мужчины. Я тяну Эзру за руку, но, предугадав мое намерение, он меняет траекторию

и плюхается рядом на постельное белье девчачьего цвета лаванды. Перегнувшись через меня, он включает чудом избежавший изгнания проектор звездного неба. Мы просто лежим, глядя, как над нами крутится фотка какой-то галактики. Разрешение такое паршивое, что я вижу пиксели, которых прежде не замечала.

— Почему ты избегаешь близости со мной? – откуда-то пробивается плаксивый голосок прежней Хоуп, - я тебя не привлекаю?

— Вовсе нет, - возражает Эзра и в подтверждение своих слов, мягко касается губами моего плеча, - но я не хочу торопиться.

— Ну, конечно, - обиженно говорит она-я, - а я не хочу ждать!

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и от его взгляда у меня сбивается дыхание. Он буквально пожирает меня глазами, но руки, руки по-прежнему держит при себе, как и все остальные части тела, до которых я так жажду добраться. А он... нужно ли ему мое тело?! Моя душа? Хоть что-то из этого?! Он гладит мою щеку кончиками пальцев, вывернув кисть. Его кожа пахнет далеким морем.

— Хоуп, послушай... Ты особенная и заслуживаешь особенного отношения. Мы будем вместе, но не сразу. Сейчас... Скоро мне придется уехать, а я не смогу оставить тебя с чувством неопределенности...

— Что!? – перебиваю я, и резко сажусь, - что это значит!?

Как уехать!? Куда уехать!? Зачем?

— Ш-ш-ш, - я так шокирована, что и его убаюкивающий голос не имеет надо мной власти, как и нежное прикосновение ладони к пояснице. Сегодня Эзра особенно щедр на тактильные контакты – и вот, оказывается, почему. Он прощается?! И меня не утешает, что он не воспользовался мной из-за чертового благородства. Я останусь ни с чем.

А я... я уничтожила и перечеркнула свою прежнюю жизнь!

И все это ради него.

— У меня есть важная миссия, - словно печально говорит Эзра, - для нее и нужно будет уехать.

— Что за чертова миссия!? – не унимаюсь я. Я судорожно трясую головой, отползаю подальше и прячу лицо в ладонях, сжимаюсь. Я жалею, что запрятала в трупный мешок все свои игрушки – мне жизненно необходимо обнять сейчас самого большого медведя и реветь, уткнувшись в его плюшевую шею. Или... Или... О, это тоже подойдет! Очень даже подойдет!

Эзра подсаживается ко мне, и потянув за плечо, вынуждает развернуться в его руках. Меня окутывает его аромат, но мысль, что я скоро его лишусь, убивает все удовольствие. Я вот-вот завою от отчаяния. Я его ненавижу. Ненавижу за то, что он спас меня, за то, что привязал к себе, а теперь отталкивает.

— Ты нужна мне, - шепчет Эзра мне в волосы, - быть мо-

жет... ты захочешь поехать со мной?

Я скажу что угодно, лишь бы только он не выпускал меня из своих объятий. Я поклянусь в чем угодно. Поставлю подпись хоть кровью.

— Да, черт возьми, да, - выпаливаю я, - я хочу поехать с тобой!

Lighthouse.

Вы, наверное, сочтете меня ужасно безрассудной, но это не правда. Я все тщательно взвесила. Если бы Эзра хотел меня убить, просто позволил бы утонуть. Если бы хотел изнасиловать - опустим, что я была бы только рада - не гасилась, пресекая все мои поползновения в его сторону в зачатке. Логично? Да. Что еще может мне угрожать? В рабство продаст или на органы? Да не смешите!

К тому же я узнала, что «миссия» подразумевает работу смотрителем маяка, а кто, признайтесь, об этом не задумывался? Это работа мечты. Мы будем предоставлены сами себе в каком-то фантастически живописном месте. Только Эзра, я, море и маяк. Как на картинке в пинтересте. Целых две недели, пока нужно подменить нынешнего смотрителя, который лег в больницу. Две недели чистого кайфа. Две недели любви.

Ну, я на это рассчитываю. И даже извлекаю из мусорного пакета симпатичное белое платье с кружевами и перекладываю в свою спортивную сумку. На всякий случай. Эзра же сказал, что мы будем вместе. Трудно придумать более подходящий и романтичный момент, чем во время совместной поездки к маяку. Иначе зачем он позвал меня с собой? Позвал так трепетно, будто от этого зависит его жизнь.

Это звучало, как обещание.

Конечно, мои мозги не настолько затопило розовыми соплями, чтобы я поставила родителей в известность об этом потрясающем плане. Нужно было им что-то сказать, так что я изобрела вменяемую, адекватную ложь. Мол, моя подруга Тиффани (я великодушно простила ей былые прегрешения и повысила!) пригласила погостить у нее. Она, бедняжка, тяжело переживает разрыв с парнем, потому побывка подразумевает девичьи разговоры и цифровой детокс, что важно. Никаких телефонов, интернета и звонков. Mam, наберу тебе через две недели, когда вернусь, пока, целую. И хоть Эзра терпеть не может гаджеты, я все же беру с собой айфон, припрятав на самом дне сумки, завернутый в мое белье. Я не собираюсь им пользоваться, только если что-то пойдет не так.

Но что может пойти не так?

До побережья мы добираемся на машине, и хоть она довольно дурацкая, точно не какая-нибудь тесла или на чем там ездят крутые мужики, я подмечаю, что кататься с парнем все равно приятно. Не с парнем, а с мужчиной, который, как я рассчитываю, скоро станет моим на веки вечные.

Эзра водит лучше, чем мои родители. Папа вечно дергает так, что меня укачивает и тошнит, а мама боится всего на свете – пешеходов, другого транспорта, регулировщиков, еле едет и невольно заражает своей тревогой и меня. Из-за нее я сама так и не удосужилась получить права – насмотрелась на ее психи и тоже стала бояться. Пусть лучше меня возят. Под управлением Эзры машина движется так плавно, словно

плывет или парит по воздуху – кажется, флюиды его спокойствия и невозмутимости воздействуют и на нее. Я умудряюсь даже задремать в пути, чего со мной прежде не случалось.

На пристани дует сильный ветер. Вывалившись наружу, я шурю от света, зеваю и трясусь от холода, но Эзра не дает мне замерзнуть. Его руки оплетают мою талию, пробираясь под пальто, когда он вжимает меня в борт машины и целует. Теперь меня колотит уже не от перепада температур, а от волнения.

— Ты не передумала? – спрашивает Эзра, отстранившись всего на дюйм, разделяющий наши губы.

— Нет, - говорю я. Я не боюсь. Хоуп-трусиху забрали воды реки и она никуда бы с ним не поехала. Я хочу быть храброй, потому что он увидел это во мне. Я его не разочарую. Я пройду эту проверку на прочность.

— Хорошо.

Словно нехотя выпустив меня из своих рук, он забирает наши вещи из багажника. У него только рюкзак, но я этому не удивляюсь. Я уже заметила за Эзрой привычку к аскетизму в быту. Мне совестно, что я избавилась от кучи барахла, но все равно умудрилась накидать с собой целый миллион вещей. Собиралась я в каком-то бреду. Толком не помню, что в этой сумке, но даже со стороны она выглядит весьма увесистой.

Эзра забрасывает ее себе на плечо, а ключи от машины оставляет в дверце. Я изумленно округляю рот.

— А как же...

— Ее заберут, - отмахивается он, - мне все равно ее одолжили.

О. Выходит, эта колымага не его, а у него, скорее всего, где-то припрятана тесла, которой Эзра не пользуется, потому что возвысился над презренными мирскими благами. Я пришла к этим выводам, сложив кое-какие сведения, что мне удалось вытянуть из него в дороге – типа он не всегда был таким буддистом, а когда-то также, как и все остальные, тонул в болоте мещанства и культуры потребления.

У тебя есть родители? Да, но мы не общаемся. Ты учился в колледже? Да. Кем ты работал, ну до...? Теперь никем. Почему у тебя так мало вещей дома? Столько хватает. Почему у тебя нет сотового? Потому что он мне не нужен. А раньше был? Был. А ноутбук или комп? Был. Почему ты читаешь все эти книги?

Потому что они не производят шум.

Как-то так. И, по-моему, это очень круто. Стиви Вендел напоминал жвачку: яркая обертка притягивает внимание, но сладость быстро приедается, а во рту остается пресный кусок резины. Если продолжить мысль, Эзра – скорее лакричная конфета. Она специфическая на вкус, но ее хочется распробовать, чтобы оценить все полутона. Это зайдет не каждому, но он и не стремится всем нравиться. Стиви напротив хотел, чтобы его любили. Он из кожи вон лез ради этого.

К черту его. Он все дальше, как и берег. Мы сидим на

корме старого рыбацкого катера, и волны задорно плещутся о борт. Ветер обдувает нас со всех сторон. Море серое и неприветливое, так что я быстро мерзну в легком пальтишке и спасательном жилете. Другой теплой одежды у меня нет — я намеревалась разгуливать по дорожкам кампуса, а не бороздить водные просторы. Мама пихала мне с собой дутую куртку, но я всячески отнекивалась, ибо не хотела в ней позориться, в ней я похожа на снеговика. Теперь я жалею.

Эзра расстегивает свой рюкзак и извлекает оттуда огромный черный палантин, который заботливо набрасывает на мои плечи поверх жилета. Я успеваю заметить, что в рюкзаке почти пусто, но на поверхности виднеется книжный корешок. Ладно, не мы оба ужасно непрактичные. Меня так и тянет это как-то прокомментировать.

— Мы едем на две недели, а ты взял с собой только книгу? — говорю я, вынужденная повышать голос, чтобы перекричать ветер, — это типа предмет первой необходимости?

Я ловлю его улыбку, почти спрятанную за растрепавшимися длинными прядями. Эзра подцепляет книгу, открывает наугад, и зачитывает мне прямо на ухо:

— Душеспасительные книжки

Пекут у нас теперь в излишке,

Но, несмотря на их число,

Не уменьшилось в людях зло.

После он бросает книгу за борт. Я ошарашенно наблюдаю, как она тонет в водовороте, рожденном мотором катера.

Да... Я впечатлена, а Эзра, безусловно, знает толк в картинных жестах. Мне жаль только, что я не успела удовлетворить свое любопытство и изучить обложку. Что это, хоть, такое отправилось в плавание?

— Я думаю, что *там* мы найдем все необходимое, - заверяет Эзра. Я сомневаюсь, что на это ответить. Стоит ли мне раскаиваться, что я так нагроутила свою сумку, не камень ли в мой огород? Еще спасибо не взяла тот розовый девчачий чемодан, с которым ездила на школьные каникулы в Европу.

Не все сразу – успокаиваю я себя. Та глупая девчонка оставлена в прошлом, но мне понадобится время, чтобы окончательно избавиться от ее дурацких привычек.

— Кстати... - подумав, начинаю я, - о необходимом. Там есть электричество? А горячая вода и отопление? Все-таки уже ноябрь... А продукты? Ты умеешь готовить? Потому что я, если честно, нет...

— Ш-ш-ш, - меня обрывает ладонь Эзры, коснувшаяся моих губ, - не беспокойся об этом. Помолчи, Хоуп. Слушай.

— Что? – мычу я в его кожу, затягиваясь ее ароматом, как какая-то токсикоманка. Он все-таки потрясающе пахнет, от этого запаха у меня мурашки удовольствия и тянет вниз живота. Это что-то солоноватое, мускусное, животное, пробуждающее первобытные инстинкты. Ну и как тут не думать о сексе? Его естественный запах. Тот парфюм и рядом не стоял.

— Море, - однозначно роняет Эзра и переплетает пальцы

наших рук, лежащие на щербатом дереве лавочки.

Я послушно киваю, закрываю глаза и слушаю, как море поет свою песнь.

Маяк высится на отвесной скале и с остальным островом его соединяет узкая полоска каменистой породы, почти полностью скрытая водой. Катер не может причалить к утесу, потому, высадившись, мы вынуждены миновать перешеек, чтобы добраться до маяка и здания из серого кирпича рядом с ним. Оно довольно большое и такое старое, будто было построено во времена, когда бесстрашные мореплаватели отправлялись на поиски новых континентов. Ума не приложу, что они могли искать здесь и зачем тут маяк. Дальше только архипелаг крошечных островов – по паре деревьев на кусок камня, только на одном, вроде как, есть рыбацкая деревушка. Это словосочетание само по себе отдает каким-то средневековьем.

Необычно.

И тут очень красиво. Я бросаю последний взгляд на удаляющийся катер, испытывая заметное облегчение – грубый дедок, привезший нас сюда, не расщедрившийся и на пару слов, сильно меня напрягал. При нем мне было неловко не то, что проявлять свои чувства к Эзре, но и вообще открывать рот. Я все время ловила на себе его, как мне показалось, похотливый взгляд. Эзра бы меня защитил в случае че-

го, но мало приятного, когда какой-то старикан пускает на тебя слюни. Я рада, что он свалил и мы остались одни. Как в моих мечтах: я, Эзра и море.

Здесь очень красиво, хотя и довольно мрачно. Пейзаж во-круг, как в каком-нибудь скандинавском детективе, словно на цветокоррекции урезали все цвета, оставив только серый и синий. Но это, как ни странно, доставляет удовольствие глазам. Прохладная цветовая палитра действует умиротворяюще. И тишина такая острая, что я слышу свое дыхание и тихий-тихий плеск волн, накатывающихся на каменистый берег. Голова слегка кружится от свежести воздуха.

— Тебе нравится? – спрашивает Эзра, позволив мне немного постоять, впитывая в себя окружающую красоту.

Я несмело киваю.

— Да... - выдавливаю я. Мне хочется сказать что-то еще, но я не могу подобрать слова, чтобы выразить свои чувства. К счастью, Эзру удовлетворяет и такой ответ.

Он идет к маяку. Ступив на перешеек, он снимает свои тяжелые ботинки, связывает шнурки, и забрасывает их на плечо. Сунув носки в карманы, дальше он ступает босиком. Его шаг твердый, хотя я догадываюсь, что камни очень скользкие, а брызги воды ледяные.

Мне трудно развить такую же скорость, приходится подпрыгивать и балансировать, чтобы увернуться от волн. Я боюсь замочить единственную пару обуви, но не осмеливаюсь последовать примеру Эзры. На черной породе его босые

ступни кажутся неестественно бледными, а мне холодно даже просто на них смотреть.

На подходе к зданию, я замечаю свет в окнах. Прежде чем я успеваю спросить об этом Эзру, в дверях появляется силуэт, засвеченный со спины. Я теряюсь. Что делать? Испугаться, что здесь кто-то посторонний или все же возмутиться тем фактом, что на маяке мы не одни?

Не торопись бить тревогу, - осаживаю я себя. Быть может, это предыдущий смотритель, которому нужно дать вольную, чтобы он мог уехать на большую землю. Нельзя же оставлять маяк без присмотра?

Только... катер то уже уплыл. Как он будет туда добираться?

Не он, а она. Это женщина. Если бы мы не находились на уединенном острове, ее можно было бы принять за школьную училку или библиотекарьшу, как их представляют в массовой культуре. Она не молода – рыжие с сединой волосы собраны в пучок, лицо все испещрено морщинами. На ней кардиган в стиле тех, что любила носить Тиффани Пирс. И вид у этой особы такой строгий, словно сейчас она примется отчитывать нас за то, что мы не вернули вовремя какую-то книжку.

Однако, при виде Эзры она удивительным образом расцветает, сбегает по ступеням, вырубленным прямо в камне, и берет его руки в свои морщинистые ладони.

— С прибытием, *учитель*, - тихо говорит она, но я все

равно ее слышу. Как ни странно, здесь не бушует ветер, всю дорогу терзавший нашу лодку, а море вокруг гладкое и спокойное. Странное обращение заставляет меня напрячься. Увы, я не вижу лица Эзры, он стоит ко мне спиной, так что могу только додумывать молчаливый обмен взглядами, что происходит между ним и женщиной в затянувшуюся паузу. У меня создается ощущение, что я упускаю что-то важное. Точно упускаю. Женщина продолжает: - Что заставило вас задержаться?

В этот момент она все-таки замечает меня, посмотрев Эзре за плечо. Вертикальная морщинка между ее редких светлых бровей разглаживается. Она кивает своим мыслям и вдруг обращается ко мне:

— Иди сюда, малышка.

Я кое-как заставляю себя закрыть непроизвольно распахнувшийся рот и поднимаюсь к ней. Она заключает меня в объятия и по-матерински убирает мне за уши волосы, растрепанные ветром.

— Ты такая юная, - ласково говорит она, - как тебя зовут? Ты замерзла? Пойдем. Мы уже натопили, а девочки приготовили обед.

Девочки!? – хочется закричать мне. Какие еще нахрен девочки!? Старую перечницу я еще готова проглотить, но не неких «девочек», посмеявших обосноваться на маяке, где я рассчитывала тусоваться в компании одного Эзры. Откуда здесь столько народу!? Это гребаный дикий остров, а не

станция метрополитена в час пик!

— Хоуп, - бормочу я. Я поворачиваюсь к Эзре, но выражение его лица ничего мне не сообщает. Он кажется задумчивым, погруженным в себя, словно ему больше не интересно мое существование и он не прочь сплавить меня на руки неизвестной тетки. Как и мою сумку. Она берется за лямку, и, хоть я вижу, как от тяжести оседает ее плечо, не ведет и бровью.

— Я – Елена, - представляется женщина, - добро пожаловать.

— Гм, спасибо, - выдавливаю я.

Елена проводит меня через темное помещение, где странно пахнет, на лестницу, и мы вместе поднимаемся вверх. Уже не знаю, что она имела в виду, сказав, что они «уже натопили», но внутри здания еще холоднее, чем снаружи и так сыро, что влага оседает у меня каплями на лице и щеках. В старинном склепе и то было бы поуютнее. Я прячу замерзшие кисти под палантин, что дал мне Эзра, злобно размышляя, смогу ли использовать тряпку, как орудие убийства и задушить ублюдка за вранье. Пусть подавиться своей заботой. Грош ей цена.

— Потом станет теплее, - обещает Елена, заметив, как меня трясет, - мы тут всего пару часов, еще только запустили котел... Многое еще предстоит сделать. Мы уже начали волноваться, из-за того, что Учитель задерживается...

— Почему вы зовете его «Учитель»? – не выдерживаю я.

На втором этаже длинный коридор с множеством комнат. Елена отпирает одну из дверей и моему взгляду предстает воистину спартанский интерьер, вероятно, моего «номера» на грядущие две недели. Кровать. Шкаф. Стол. Стул. Вся мебель мощная и потемнела от времени. На стенах облезлая штукатурка. Под окном радиатор, вид которого мало меня обнадеживает, а за ним – море. Бесцветное, как на старой фотографии.

Не хватает только распятия над кроватью, в качестве последнего штриха на картине комнаты из фильма ужасов.

Бр-р-р.

Ну и кринж!

Елена деловито устраивает мою сумку в пустом шкафу и только после этого изволит ответить. Не только ответить, но и ошарашить меня демонстрацией жуткого шрама на грудной клетке, когда резко оттягивает край кардигана вниз. От этого зрелища я давлюсь воздухом и любыми возможными вопросами, что еще могла бы ей задать. Распятия над кроватью нет, зато между ее ключицами есть крестик на тонкой цепочке. Я таращусь на шрам, но все равно его замечаю.

— У меня был рак, - заявляет Елена, словно наслаждаясь произведенным эффектом, - мне удалили одну грудь, и я так и не смогла вернуться к нормальной жизни. Эзра помог мне принять это. Он дал мне приют, как и остальным. Поэтому мы и зовем его «учителем».

Остальным. Девчонкам. Или кому-то еще, кто шныряет

по этому жуткому зданию, напоминающему чумной госпиталь из хорроров или душных исторических фильмов.

О, ужас!

Куда я попала?! На что я подписалась? Где кнопка «отписаться»? Срочно. Дизлайк!

— Ведь ты тоже не просто так оказалась здесь, верно? — спрашивает Елена.

Ну... как бы тебе сказать? — думаю я. Я прыгнула с моста. Эзра меня спас. Я влюбилась в него. Он пообещал мне, что нас ждут романтические каникулы в красивом, уединенном месте, но как-то забыл упомянуть, что здесь будет толпа стремных чудил, а само место нифига не красивое, а омерзительное.

Я познакомилась пока только с этой убогой теткой, догадываюсь, что и остальные не лучше. Я вовсе не безжалостная тварь, не подумайте. Рак груди — это очень грустно и я ей сочувствую. Я злюсь только на того, кто не соизволил предупредить меня о том, что меня ждет на самом деле.

— Извини, - смягчившись, говорит Елена, - не буду лезть тебе в душу. Должно быть, тебе пришлось нелегко.

И на том спасибо!

Она уходит. Я бегу к шкафу, присаживаюсь перед ним, и, расстегнув свою сумку, роюсь в вещах, торопясь добраться до телефона. Я еще не решила, что собираюсь делать, но, скорее всего, позвоню маме, и, рыдая, потребую выслать за мной гребаный вертолет. Мама, прости меня, но я конченная

идiotка! Я позволила красноречивому харизматичному гаду насрать себе в уши и влипла в какое-то дерьмо!

Заберите меня отсюда! Мне страшно! Я...

А вот и он, «красноречивый харизматичный гад». Эзра притворяет за собой дверь и останавливается подле у нее. К счастью, я не успеваю добраться до айфона и рассекретить его наличие, а так и сижу на полу над разворошенной сумкой, застигнутая врасплох. Минуту мы просто смотрим друг на друга, а после я бросаюсь на Эзру и луплю его кулаками в грудь. Он терпит. Не пытается мне помешать. Позволяет выместить гнев – и постепенно порыв гаснет сам собой. Я не плачу, но застываю. И делаю шаг назад, стоит Эзре протянуть ко мне руки, очевидно с намерением заключить меня в объятия.

Нет-нет-нет.

Я больше на это не поведусь.

— Ты врал мне!

— О чем ты? – недоумевает он.

— Ты сказал, что мы будем вместе, одни, на этом острове... - начинаю я, но умолкаю, уловив подвох.

— Я позвал тебя с собой, но не говорил, что мы будем одни, - озвучивает Эзра.

— Ну, конечно! – не унимаюсь я, - почему ты не сказал мне, что здесь будут другие!? Например, эта тетка с раком! Как она тут оказалась!? Тоже смотрит за маяком!? Какого черта здесь происходит!? Во что ты меня втянул!? Это ка-

кая-то секта!?

— Нет, - возражает он сразу на все мои вопросы.

Пауза. Эзра дает мне возможность продолжить свое наступление, но я жду, что еще он скажет. Я надеюсь, что он хоть попытается оправдаться и все объяснить. Я не хочу разочароваться в нем. В глубине души я еще надеюсь, что все будет именно так, как он мне обещал, а наличие тут чокнутой бабки с одной грудью – просто какое-то недоразумение. Нехилое такое недоразумение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.